

Несколько лет назад Светлана Алексиевич призналась на страницах «НГ», что следующая ее книга будет о любви. И называться будет цитатой из Александра Грина — «Чудный олень вечной охоты». И что, как и в прежних книгах, здесь будут звучать подлинными голосами наших современников. Недавно писательница опять приехала в Москву и поделилась с корреспондентом «НГ» мыслями и историями своих героев, в которых проступают черты не только их неповторимых характеров и чувств, но и приметы великой эпохи, ушедшей в прошлое.

Надежда Ажгихина

СВЕТЛАНА, вот вы снова в Москве и вновь возвращаетесь не в Минск, а в Европу. Где вы теперь живете? И как там живется?

— Живу теперь в дивном маленьком городке неподалеку от Флоренции благодаря писательской стипендии Евросоюза. Я практически не говорю на иностранных языках, а там, естественно, почти никто не разговаривает по-русски, поэтому буквально нахожусь в одиночестве, что, по моему, очень полезно. То интенсивное общение, которое происходит дома, оно подчас мешает даже слышать себя, не дает возможности сосредоточиться, подумать. А быть в диалоге с самой собой достаточно интересно. Такой опыт стоит пережить, это достаточно эффективно, особенно когда пишешь книгу. Поэтому живется мне неплохо.

Страна очень красивая, природа, холмы, как будто сошедшие со старой гравюры. До домика Данте можно дойти пешком, невероятно. Очень интересно разглядывать народ. Интересно радостное отношение этого народа к жизни во всех ее проявлениях, даже в еде, очень непохожее на нашу тяжеловесную серьезность, отношение к истории, ко времени. У итальянцев какое-то обостренное чувство красоты — то, чего нам очень не хватает.

— Несколько лет назад, почти сразу после публикации «Чернобыльской молитвы», вы сказали, что следующую книгу напишете о любви. Помню, как многих тогда это удивило — после трагических сюжетов «Цинковых мальчиков», той же «Молитвы» и других, и вдруг о любви. Как я понимаю, теперь работа близка к концу. Сохранился ли первоначальный замысел?

— Я всю жизнь пишу историю маленького человека великой эпохи. «Чудного оленя» я задумала давно, но с нами все время что-то происходило. Надо было сказать о женщинах на войне, о детях, о мальчиках-«афганцах», о Чернобыле... Мне кажется, сейчас, когда старого мира больше нет, когда произошло его крушение, важно найти некие постоянные величины, постоянные ценности. Вот мы сейчас говорим об особом пути России, о национальной идее — снова ищем сами себя. И самое интересное — понять, за что человек в это промежуточное время может успеть. И без ответа на этот вопрос моя летопись была бы неполной. Я давно задумала написать 7 книг. Осталось две — о любви, которую заканчиваю, и о смерти. Так что я продолжаю писать свою историю, но на том материале, который дает сегодня улица. Если Андрей Битов назвал свою книгу «роман-пунктир», то у меня «роман-голос». В «Чудном олене» голос более камерный, чем раньше.

«ЧУДНЫЙ ОЛЕНЬ» СВЕТЛАНЫ АЛЕКСИЕВИЧ

Писательница о своей новой книге и ее героях

*Независимая газета, — 2001,
— 9 февр. — с. 14*

Человек рассказывает сегодня не о своих переживаниях в отблеске глобальных событий, но о самом главном в собственной жизни.

В книге поровну мужских и женских историй — пятьдесят крупных и пятьдесят маленьких. Говорят люди разных поколений, разных профессий, здесь и фронтовая любовь, и лагерная, и современная.

— Стали ли люди нашего «промежуточного» времени больше любить?

— Много свидетельств тому, что для человека дом становится все важнее. Когда идет война, когда человек скитается, подвергается репрессиям, это понятие не самое важное. Человек нашего времени ищет свое место, находит его рядом с любимыми или не находит, и важнее становятся сами отношения, а не атрибуты внешнего мира, даже не деньги и богатство. Счастье от них не зависит. Мои собеседники говорят почти все от первого лица, это тоже новое — «я полюбила», «я вышла замуж», «я была счастлива», а не «мы победили», к примеру. Человек все более обособляется. Расковывается. Хочет света. Одна девочка так и сказала: «Я хочу любви, я хочу света».

— Можно ли сказать, что разные поколения по-разному думают и говорят о любви?

— Молодые более сосредоточены на себе и своей сегодняшней жизни. Одна девочка, пробившаяся в Москву провинциалка, говорит: «Я принадлежу к поколению, для которого важны не идеалы, а цели». Или мальчик, потерявший друга в Чечне, солдат, возвращается домой и спрашивает, за что погиб его товарищ, а отец смотрит на него, как на сумасшедшего. Поколения не всегда понимают друг друга. Еще один парень, для которого категория будущего (помните, в застойные годы сколько говорили о будущем) просто не существовала. Работа над книгой затянулась — прежде всего из-за того, что идет мощный материал, который надо осмыслить и выстроить.

— Получается, молодые больше ценят свои чувства?

— Собственная жизнь для них вообще большая ценность, чем для старших. Любовь — это поиск смысла жизни, и ценность этого поиска, пожалуй, для молодых особенно существенна. Они вообще более раскованны, не стесняются говорить о себе. У меня есть интервью с гомосексуалистами, я не представляю, чтобы десять лет назад люди свободно об этом говорили.

— Мужчины и женщины по-разному понимают любовь?

— Да. Одна женщина, которая вышла замуж в лагере, признавалась, как боялась этого шага и как всю жизнь была не столько женой, сколько медсестрой и сиделкой, и что так же прожила ее мама и бабушка. Женские рассказы получаются в целом более яркие и драматичные, хотя есть и очень интересные мужские истории. Для женщины чаще всего любовь — это растворение в другом. Тема жалости, служения, жертвы звучит довольно часто. Помню рассказ одной женщины, которая даже называла себя феминисткой, она говорила: «Весь мой феминизм кончается, как только я переступаю порог своей квартиры.

Светлана Алексиевич.
Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

Я должна сделать выбор — уйти от этого мужчины или подчиниться его правилам». Много историй о «любви к герою». К потерявшему ноги, например. Или история талантливой женщины, певицы, муж которой попал в катастрофу, лежал в коме без надежды на поправку, а она два месяца не отходила от него и пела для него, понимая, что он наверняка не слышит — и через два месяца он заговорил и начал поправляться. Мужчины же, как правило, спокойно воспринимают служение себе и говорят о жертвах женщин легко.

— Неужели не бывает мужчин самоотверженных и преданных?

— Бывают. Есть история о том, как в 30-е годы невесту одного человека репрессировали, он очень боялся, даже бросил работу и уехал из города (так многие люди спасались от преследования, потерявшись в стране), потом нашел ее, и они вот уже много лет счастливы. А в те годы многие от-

казывались от невест, жен и мужей... Но таких историй меньше. Вообще мне кажется, мужчины и менее готовы пойти на жертву, и в то же время опасаются сильных женщин. Исключение — молодые мужчины.

— Какие сюжеты из мировой литературы ваши голоса подтверждают чаще всего?

— Сюжеты все те же. Но есть вещи, о которых я нигде не читала. Лагерные истории, о которых, казалось бы, уже все известно. Но вот рассказывала женщина — на лесоповал зимой гнали женский этап, и рядом, оказалось, работали заключенные-мужчины. И этап завыл, еще не видя этих мужчин. А пожилой начальник конвоя отпустил женщин на полчаса к этим мужчинам. Или другая история: опоздавшую к проверке заключенную жестоко наказывали, сажали в клетку, каждый мог плюнуть в нее, помочиться, охранники в первую очередь. И вот одна из таких несчастных, раздав-

ленная плелась после унижения в барак и вдруг увидела, что охранник, который казался ей сушим зверем, вдруг встретил вольнонаемную, в которую был влюблен, и начал с ней шутить. Ее потрясло его неожиданное человеческое чувство, и стало казаться, что жизнь еще не кончена...

— То есть даже приближение к чужой любви дает силы. Бывает ли наоборот?

— Любовь вообще неотделима от пограничного состояния, ради нее люди способны на очень многое. Вот пример из времен войны. Белорусская деревенская девушка полюбила парня, он — ее, собираем пожениться. А он стал полицаем, был убит партизанами. Она беременная. В селе верили, что для того, чтобы ребенок родился здоровым, если отец умер, нужно пройти до кладбища впереди гроба. Представляете, что значило в белорусской деревне пойти перед гробом полицая? Но она это сделала, она его любила. Другое дело, что любовь всегда существует в контексте. Эти разговоры в темных аллеях, молчания, первый поцелуй и первая ночь переплетаются со многими другими вещами. Не могу забыть еще одну военную историю о том, как девочка-партизанка попала в плен и понравилась немецкому офицеру. Немцы отступали, офицер хотел ее отпустить, но потребовал сказать перед строем солдат «Сталин — дерьмо». Очень долго ее уговаривал. Девочка отказалась, и ее расстреляли. Вскоре пришли партизаны. А вот современный сюжет: молодые работники в выборную кампанию, собирали подписи для КППРФ. Родители девочки — интеллигентные либеральные люди и соответственно ее воспитывали. Мне она рассказывала, что ей абсолютно безразлично было за кого агитировать, раз муж попросил. За поддержку КППРФ он обещал ей marriage. И обещание выполнил, и даже всю комнату в общежитии увешал разноцветными воздушными шариками, очень ее любил.

— Что оказалось самым неожиданным в работе?

— Для меня открытие — современная жизнь. Как перемешано в ней добро и зло. Та же девушка, которая агитировала за КППРФ, говорила о том, как ее мучает чужая боль. Еще слышала от молодой героини о том, что думать больно. В то же время человек научился говорить о себе, о своем внутреннем мире. Помните, в перестройку все разговоры — хоть о детях, хоть о любовниках — через пять минут переключались на путь или Ельцина? Сегодня мы живем в совершенно другом обществе.

— Вам кажется, что внимание к личному, о чем даже действительно не было принято говорить, спасет нас от разочарования, от душевной пустоты?

— Человек сегодня учится опеределять свое личное счастье как ценность. Любовь кидает и в свет, и во тьму, делает и лучше, и хуже. Слушаешь исповеди — тот страдал, эта страдала, столько всего тяжелого пережито. Как будто мы живем в стране несчастливых людей. Нас ведь вообще никто не учил выбирать, быть счастливым. Счастье в нашей культуре вообще как будто незаконная вещь.

— Есть ли люди, прожившие жизнь без любви?

— Есть. Разговаривала с женщиной, матерью двоих детей, хорошей женой, она призналась — не знает, что это такое.

— Удалось ли вам проникнуть в тайную тайных этого чувства? Столько всего написано и поэтами, и учеными, установлено, что все наши эмоции в конце концов — цепочка химических реакций... А тайна все равно остается.

— Конечно, и это меня радует. Хотя в целом книга получается грустной. У меня вообще такое ощущение, что книга о любви должна быть печальной. А книга о смерти торжественной.